

Пролог

Война окончена.

Человек по прозвищу Немезида стоял возле окна своего кабинета и прислушивался к шуму, доносившемуся с улиц. Весь Лондон праздновал победу над армией Наполеона при Ватерлоо так, как это умеют только лондонцы: с фейерверками, музыкой, песнями и танцами ликующей толпы, заполнившей город.

Формально война окончена, но Немезида знал: до настоящего конца еще далеко. К тому же он был уверен, что для него война никогда не кончится, ибо личность предателя, назвавшего себя Пауком, по-прежнему оставалась загадкой. Неужели ему так и не удастся раскрыть эту последнюю тайну? Неужели правосудие не восторжествует во имя тех, кто погиб от руки Паука?

И в то же время Немезида понимал: ему необходимо заняться устройством своей личной жизни. У него имеются определенные обязательства по отношению к семье и титулу, и потому предстоит начать поиск невесты, причем так, как привык делать все в жизни: опираясь на логику и здравый смысл. В первую очередь следовало составить список достойных кандидаток, а затем тщательно отобрать одну — достойнейшую.

Он совершенно точно представлял, какой хотел бы видеть будущую жену. Соответственно его знатному имени и высокому титулу, это должна быть особа добродетель-

ная, а что касается его личных требований к невесте, то хотелось бы, чтобы ей можно было полностью доверять, чтобы не было повода для ревности.

Слишком долго прожив в тени, Немезида давно понял, что доверие и верность — бесценны.

Он снова прислушался к праздничному шуму на улицах. Да, война окончена. И нет на свете человека, который при этом известию испытывал бы большую благодарность судьбе, чем Немезида, но также он чувствовал, что в глубине души всегда будет сожалеть, что последняя встреча между ним и жестоким убийцей и предателем по прозвищу Паук так и не произошла.

Глава 1

Дверь библиотеки тихо приоткрылась, и пламя свечи тут же затрепетало от легкого сквозняка. Сидя на корточках в дальнем темном углу комнаты, Августа Баллинджер замерла, так и не успев отпереть шпилькой для волос ящик письменного стола, принадлежавшего хозяину дома.

Спрятавшись за массивными дубовыми тумбами, она в отчаянии смотрела на колеблющееся пламя той единственной свечи, которую принесла в библиотеку. Пламя снова всколыхнулось: дверь осторожно притворили. Похолодев от ужаса, Августа выглянула из-за краешка стола, пытаясь что-нибудь различить в темноте.

Вошедший в библиотеку замер возле двери, утопая в чернильной тьме. Он был высок и одет в черный халат. Ей не удалось разглядеть его лицо, но тем не менее, сжавшись от страха за тумбой стола, Августа не могла избавиться от тревожной мысли, что он знает о ее присутствии.

Только один мужчина на свете способен так воздействовать на ее чувства, и ей совсем не обязательно видеть его лицо. Да, она была почти уверена: там, в тени, точно огромный хищный зверь, притаился Грейстоун.

Но он, видимо, не собирался поднимать шум, и она почувствовала, как полегчало у нее на душе. Удивительно, как уверенно он ведет себя в полной темноте, подумала Августа, словно находится в своей стихии. И снова затеплилась надежда: а что, если он ничего особенного не за-

метил? Что, если он просто пришел, чтобы выбрать себе книгу, а увидев свечу, решил, что ее просто кто-то забыл здесь по неосторожности?

На мгновение Августе даже показалось, что он и не мог ее заметить, когда она выглянула из-за письменного стола. Вполне вероятно, что ему вообще ничего не видно, тем более так далеко, на другом конце огромной комнаты, и если вести себя осторожно, то у нее еще есть шанс выпутаться из столь неприятной истории и спасти свою безупречную репутацию. Августа втянула голову в плечи и постаралась как можно глубже забиться под украшенную резьбой дубовую крышку письменного стола.

Шагов по толстому персидскому ковру она не услышала, зато суровый голос раздался как гром среди ясного неба:

— Добрый вечер, мисс Баллинджер. Полагаю, вы нашли нечто чрезвычайно интересное для чтения именно здесь, в письменном столе Энфилда? Хотя, по-моему, здесь темновато, не находите?

Ну как не узнать этот чудовищно спокойный мужской голос! Подтвердились самые худшие ее опасения: это действительно Грейстоун. Ну что ж ей так не везет! Это же надо, чтобы из всех многочисленных гостей, съехавшихся в загородное поместье лорда Энфилда на выходные, на месте преступления ее застал именно он — лучший друг дядюшки, Гарри Флеминга, граф Грейстоун! Он-то ни за что не поверит ни одной из тех бойких историй, которые она предусмотрительно заготовила на случай провала!

Грейстоун постоянно смущал Августу, и причин для этого было предостаточно. Во-первых, от его взгляда: немигающего, точно пронзительного — становилось не по себе и никак не получалось солгать. Казалось, что он видит ее насквозь. В его присутствии приходилось вести себя предельно осторожно, взвешивать каждое слово, чтобы не сболтнуть лишнего.

Августа лихорадочно выбирала из всех заготовленных оправдательных версий наиболее правдоподобную. Выдумка должна быть безукоризненной: Грейстоуна не проведешь. Да, граф чрезвычайно мрачная личность, всегда преисполнен чувства собственного достоинства, обладает поистине спартанской ледяной вежливостью и временами выглядит как напыщенный пуританин, но в отсутствии ума его не упрекнешь.

Поразмыслив, Августа решила, что выбора у нее нет: придется пойти на исключительную наглость, — и, заставив себя лучезарно улыбнуться, обратила лицо вверх, с легким удивлением взглянув на незваного гостя:

— О, добрый вечер, милорд! Вот уж не ожидала, что в столь поздний час кто-то еще заглянет в библиотеку. Вас удивляет мой вид? Да вот ищу... свою шпильку: обронила нечаянно.

— Ваша шпилька что, застряла в замке одного из ящиков?..

Августе пришлось, быстро изобразив удивление, резво вскочить на ноги:

— Господи, ну конечно! Вот же она! И как только она умудрилась туда попасть! Благодарю вас. — Дрожащими пальцами она вытащила шпильку и как ни в чем не бывало сунула в карман своего легкого халатика. — Спустилась сюда взять что-нибудь почитать: никак не могла уснуть. И вот пожалуйста: такая досадная оплошность — потеряла шпильку!

Грейстоун при неверном свете свечи неторопливо рассматривал ее улыбающееся лицо, понимая, что она лжет.

— Я весьма удивлен, мисс Баллинджер, что вас мучает бессонница. Любая другая леди на вашем месте давно рухнула бы без сил. Днем вы участвовали в состязаниях для дам по стрельбе из лука, затем — в длительной прогулке к старинным римским развалинам, потом — в пикнике, а вечером еще чрезвычайно много танцевали и играли

в вист. Можно предположить, что после столь бурного дня вы должны просто с ног валиться.

— Да, разумеется, вы правы, но, наверное, все дело в том, что незнакомая комната, другая постель... Вы знаете, милорд, как иной раз бывает трудно уснуть, когда ложишься не в свою кровать.

Холодные серые глаза графа, похожие на замерзшее зимнее озеро, странно блеснули.

— Чрезвычайно интересное наблюдение! И как часто вам приходится ложиться в чужую кровать, мисс Баллинджер?

Августа растерянно уставилась на него, не понимая, обижаться или нет. На какой-то миг в глубине души у нее возникла твердая уверенность, что в вежливых словах Грейстоуна содержится явно неприличный подтекст, потом она все же решила, что ей показалось. Ведь это же Грейстоун! Он ни за что никогда не сделает и не скажет в присутствии леди ничего непристойного, только вот вряд ли он считает ее леди, мрачно напомнила себе девушка.

— Нет, милорд, у меня не было возможностей путешествовать, поэтому не приходилось спать не в своей постели. А теперь, с вашего позволения, я лучше вернусь наверх. Кузина могла проснуться и заметить мое отсутствие. Не хочу ее беспокоить.

— Ах да, прелестная Клодия! Ну разумеется, мы не хотим, чтобы наш Ангелочек переживал из-за своей проказницы кузины, не правда ли?

Августа нахмурилась. Похоже, в глазах графа она пала чрезвычайно низко, раз он воспринимает ее как дурно воспитанную взбалмошную девицу. Остается лишь надеяться, что хотя бы воровкой он ее не считает.

— Да, милорд, мне действительно не хочется тревожить Клодию. Спокойной ночи, сэръ.

Высоко вскинув голову, она двинулась к выходу, но Грейстоун, стоявший на пути, и не подумал уступить дорогу и даже не шевельнулся, так что ей пришлось резко

остановиться прямо у него перед носом. Ее ошеломила исходившая от него могучая спокойная сила, и пришлось собрать все свое мужество, чтобы сохранить самообладание.

— Вы, конечно же, не станете препятствовать мне, милорд?

Грейстоун чуть вскинул брови:

— А что, вы передумали брать то, за чем, собственно, пришли сюда?

Во рту у Августы пересохло. Откуда ему знать о дневнике Розалинды Морисси!

— К сожалению, милорд, это больше не потребуется: я, похоже, усну и так... Такое бывает, знаете ли...

— То есть вам больше не нужно то, что вы хотели отыскать в письменном столе Энфилда?..

Августа тщетно попыталась скрыть смятение, изобразив негодование:

— Да как вы смеете даже предполагать, что я рылась в чужих вещах? Я же объяснила: шпилька выпала из прически и случайно застряла в замке!

— Позвольте мне, мисс Баллинджер.

Грейстоун вытащил из кармана халата тонкую проволоку и точным движением сунул в замок письменного стола. Послышался слабый, но вполне отчетливый щелчок.

Августа с изумлением наблюдала, как он легко открывает ящик стола и изучает его содержимое... Но вот Грейстоун взмахнул рукой, словно приглашая присоединиться и поискать то, что ей нужно.

На несколько мгновений она замерла, не решаясь принять предложение, но потом, закусив нижнюю губу, все же подошла и принялась торопливо рыться в ящике стола. Наконец под листьями писчей бумаги обнаружилась маленькая книжица в кожаном переплете. Августу сразу схватила ее, прижала к груди и, посмотрев Грейстоуну в глаза, медленно проговорила:

— Даже не знаю, что и сказать, милорд.

Лицо графа, суровое, с резкими чертами, в мерцающем свете свечи казалось еще более мрачным, чем обычно. Грейстоун не был красавцем в общепринятом смысле слова, но сразу, едва дядя Томас представил их друг другу в начале лета, Августа ощутила в нем некую странно притягательную силу.

Его широко поставленные серые глаза пробуждали в душе нечто такое, отчего ей хотелось прикинуться к нему, но она, конечно, не забывала, что графу вряд ли это понравится. А может быть — Августа вполне отдавала себе в этом отчет, — его притягательность всего лишь плод обычного, чисто женского любопытства. Ей казалось, что душа этого джентльмена плотно закрыта от посторонних, и Августе страстно хотелось взглянуть. Она и сама не могла бы объяснить почему, но желание было нестерпимым.

Граф вовсе не был героем ее девических мечтаний. По правде говоря, Грейстоуна скорее можно было бы назвать скучным, но она почему-то находила его опасным, волнующим, загадочным.

В густых темных волосах Грейстоуна уже поблескивало серебро. Ему хоть и было лет тридцать пять, выглядел он на все сорок, и не потому, что лицо его избородили морщины, а тело стало немощным, наоборот... Но графа всегда отличали некая мрачная твердость и суровость, свидетельствующая о весьма значительном опыте и глубоком знании жизни. Трудно было бы даже предположить, что он ученый, специалист по классической филологии, не зная Августа этого наверняка. Вот вам еще одна загадка. Несмотря на то что Грейстоун был в халате — явно уже приготовился ко сну, — это одеяние не скрывало ни его широких плеч, ни рельефных мышц; держался он с поистине королевской непринужденностью и достоинством, чего уж никак нельзя было отнести на счет искусства его портного. Двигался он с плавной тяжелой грацией хищника, и каждый раз, глядя на него, Августа чувствовала, как

по спине пробегал холодок. Она никогда еще не встречала мужчину, который производил бы на нее столь же сильное впечатление, как Грейстоун.

Августа и сама не понимала, чем вызван ее жгучий интерес к Грейстоуну: ведь они полнейшие противоположности как по темпераменту, так и по манере себя вести. При любых обстоятельствах — в этом она не сомневалась — они будут лишь раздражать друг друга, а ее возбуждение, нервная дрожь, странное беспокойство, стоило графу появиться поблизости или заговорить с ней, ровным счетом ничего не значат, успокаивала себя Августа.

Она старалась не думать и о том, что, по ее глубокому внутреннему убеждению, Грейстоун пережил какую-то тяжкую утрату (как, впрочем, и она сама) и ему сейчас совершенно необходимы любовь и забота, чтобы справиться с ощущением разверзшейся перед ним черной бездны, прогнать холодные тени, омрачавшие взор. Всему свету известно, что Грейстоун намерен жениться и подыскивает невесту, но Августа, конечно же, понимала, что он никогда не обратит внимание на ту, что способна нарушить его тщательно отлаженную жизнь. Ему нужна девушка спокойная и покладистая...

Она слышала немало сплетен и знала, какие качества нравятся графу в женщинах. По слухам, Грейстоун — в полном соответствии с собственным уравновешенным и методичным характером — составил некий список, который свидетельствовал о его чрезвычайно высоких требованиях к будущей супруге. Прежде всего его избранница должна быть образцом всех женских добродетелей, безупречной во всех отношениях: серьезной, разумной, сдержанной, достойной, хорошо воспитанной — истинной леди. Само собой разумеется, репутация супруги графа должна быть абсолютно незапятнанной, не допускающей даже намека на сплетни. Одним словом, будущая графиня не должна иметь ни единого изъяна... Такой и в голову бы

никогда не пришло рыться среди ночи в чужом письменном столе.

— Мне почему-то кажется, — шепнул граф, кивнув на маленькую книжицу в руках Августы, — что чем меньше об этом происшествии будет известно в свете, тем лучше. Владелица дневника — ваша близкая подруга, если не ошибаюсь?

Августа вздохнула, поняв, что терять ей нечего. Все ее дальнейшие оправдания и попытки изобразить оскорбленную невинность бесполезны. Грейстоун определенно знает гораздо больше, чем ей бы хотелось.

— Да, милорд, вы правы. — Августу вздернула подбородок. — Моя подруга совершила большую ошибку, уделив слишком много внимания личным переживаниям, о чем позднее пожалела, поскольку обнаружила, что предмет ее страсти недостаточно честен с нею.

— Речь, как я понимаю, об Энфилде?..

Августа сурово поджала губы, прежде чем ответить.

— По-моему, это очевидно. Лорда Энфилда, по-видимому, принимают в высшем обществе из уважения к его титулу и воинским заслугам, но, боюсь, в отношениях с женщинами он недостаточно благороден, а в определенных ситуациях ведет себя просто как презренный негодяй. Дневник у моей подруги выкрали сразу после того, как она сообщила лорду Энфилду, что больше его не любит. Думаю, он подкупил одну из ее горничных.

В подробности вдаваться Августу не собиралась, а уже тем более посвящать его в причины своего появления в поместье.

— Энфилд пригрозил Розалинде предать огласке ее дневниковые записи, если она откажется вступить с ним в брак.

— Но к чему ему такие сложности? И для чего понадобилось шантажировать вашу подругу? Он и так пользуется

благосклонностью дам. По-моему, они в восторге от его замечательных подвигов в битве при Ватерлоо.

— Розалинда Морисси — наследница огромного состояния, милорд, — сухо отметила Августа. — А Энфилд, говорят, после возвращения из Европы проиграл большую часть своих денег, поэтому они с его матушкой решили, что ему необходимо найти богатую невесту.

— Понятно. Я как-то не принял во внимание, что слухи о недавних финансовых затруднениях Энфилда столь широко распространились среди прекрасных дам. И он, и его матушка приложили немало усилий, чтобы скрыть истинное положение дел. Свидетельство тому — нынешний шумный прием здесь, в их поместье.

Августа понимающе усмехнулась:

— Да, разумеется. И надо ли мне вам объяснять, милорд, как мужчины охотятся за богатыми и знатными невестами и с чего в этом случае начинают? К сожалению, разговоры о намерениях такого охотника мчатся впереди его, и наиболее умные из числа возможных жертв успевают сделать для себя определенные выводы.

— Уж не намекаете ли вы на мои собственные матриониальные намерения, мисс Баллинджер?

Августа почувствовала, как вспыхнули у нее щеки, однако решила выдержать холодный неодобрительный взгляд Грейстоуна. В конце концов, он почти всегда смотрел на нее неодобрительно.

— Раз уж вы спросили, милорд, — заявила Августа, — могу сообщить, что всему свету известно о ваших непомерных требованиях к будущей супруге. Говорят, вы даже составили список претенденток.

— Замечательно! А не говорят ли, кто именно в него включен?

Она бросила на него сердитый взгляд:

— Нет. Я только слышала, что таковых не много, и это вполне понятно, учитывая ваши требования.

— Откровенно говоря, я заинтригован. Ну и каковы же мои требования к будущей супруге, мисс Баллинджер? Нельзя ли поточнее?

Августа давно уже пожалела, что у нее не хватило ума промолчать... Впрочем, благоразумие и осторожность никогда не были сильными чертами представителей семейства Баллинджер по нортумберлендской линии. И она отважно бросилась в омут.

— По слухам, милорд, вы ищете совершенство, истинную леди. Мне остается лишь пожелать вам удачи.

— Из вашего довольно язвительного тона я должен сделать вывод, что найти таковую мне будет нелегко?

— Ну, все зависит от того, что вы сами подразумеваете под определением добродетели, — запальчиво возразила Августа. — По моим сведениям, ваши требования чрезмерно строги. Таких женщин просто не существует. К тому же, наверное, ужасно скучно не иметь ни единого изъяна, знаете ли. Нет, сэр, вам стоило бы несколько увеличить свой список, тем более если вы, подобно лорду Энфилду, ищете богатую невесту... Всем известно, как мало у нас таких.

— К несчастью, а может, и к счастью — все зависит от вкуса, — богатая невеста мне вовсе не нужна. Для меня значительно важнее иные, соответствующие моим представлениям женские добродетели. Однако ваша осведомленность относительно моих личных дел, мисс Баллинджер, весьма меня удивляет. Могу ли я спросить, откуда вам столько известно?

Августа, разумеется, не собиралась распространяться о деятельности «Помпеи» — дамского клуба, созданного не без ее участия, который служил поистине неисчерпаемым источником слухов и сведений.

— В Лондоне никогда не было недостатка в сплетнях, милорд.

— Вот это уж точно. — Грейстоун прищурился. — На улицах нашего города слухов что грязи, верно? Но вы со-

вершенно правы: я предпочел бы, чтобы за моей женой не тащился шлейф слухов и сплетен.

— Я уже пожелала вам удачи, милорд. — Ее несколько обескуражило услышанное, поскольку Грейстоун подтвердил все разговоры о своем знаменитом списке. «Надеюсь, вы не слишком расстроитесь из-за того, что так высоко подняли планку», — усмехнулась про себя Августа и, прижав к груди дневник Розалинды Морисси, добавила: — Если позволите, милорд, я бы хотела, вернуться в свою комнату.

— О, разумеется. — Грейстоун с мрачноватой вежливостью поклонился и чуть отступил в сторону, чтобы она могла пройти между ним и письменным столом.

С облегчением осознав, что путь к спасению свободен, Августа осторожно обогнула стол и проскользнула мимо графа, прекрасно отдавая себе отчет в излишне интимном характере их беседы. И в костюме для верховой езды, и во фраке граф выглядел достаточно впечатляюще, чтобы она не могла оторвать от него глаз, но Грейстоун в домашнем халате на голое тело — нет, это уж слишком для ее необузданной фантазии!

Она пролетела через всю библиотеку, но тут вспомнила нечто важное и, резко остановившись, обернулась к графу:

— Сэр, я должна задать вам один вопрос.

— Ну, если должны...

— Сочтете ли вы себя обязанным посвятить лорда Энфилда в обстоятельства нынешнего происшествия?

— А как бы вы поступили на моем месте, мисс Баллинджер? — сухо спросил в свою очередь Грейстоун.

— Думаю, будь я настоящим джентльменом, непременно сохранила бы все в тайне, — торопливо проговорила Августа. — В конце концов, на кон поставлена честь дамы.

— Боже, как это верно! И заметьте, речь не только о вашей подруге. Ваша репутация сегодня подвергалась не меньшему риску, не правда ли, мисс Баллинджер? Вы